

Е. Поселянин

**Русская церковь и русские
подвижники 18-го века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. Поселянин**
Русская церковь и русские подвижники 18-го века / Е. Поселянин – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 356 с.

ISBN 978-5-517-97218-7

ISBN 978-5-517-97218-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

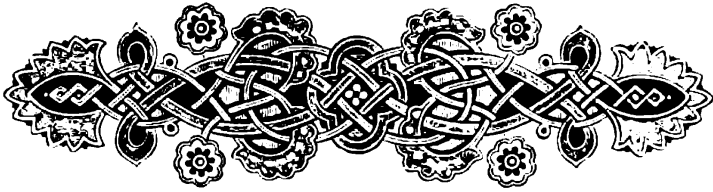
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Г Л А В А I.

Религіозныя воззрѣнія Петра Великаго. — Недовольство приверженцевъ старины. —
Послѣдній патріархъ Адріанъ. — Переходное время. — Монастырскій приказъ. —
Мѣстоблюститель Стефанъ Яворскій и его стояніе за православіе.

Послѣдній патріархъ московскій Адріанъ былъ человекъ стараго склада, со столь неподвижными убѣжденіями, что никакъ не могъ сочувствовать дѣятельности Петра, страстною рукою увлекавшаго Россію по пути реформъ.

Насколько патріархъ Адріанъ былъ вѣренъ старинѣ, видно изъ того, что онъ предавалъ анаемѣ брадобритіе, что лютеранскія вѣрованія возбуждали въ немъ ненависть не большую, чѣмъ куреніе табака. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ жалуется, что многіе „отъ *нинокъ табачныхъ и злоглагольствъ люторскихъ*, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ обжуродѣли“. Въ этой проповѣди его звучитъ глубокое недовольство на вольнодумство новаго времени: „Совратясь со стезей отцовъ своихъ, говорятъ: „для чего это въ церкви такъ дѣлается? Нѣтъ въ этомъ пользы, человекъ это выдумалъ... „Едва только святымъ книгамъ узнаетъ имя или складъ словесный, и уже учитъ архіереевъ и священниковъ, монастыри править, устрояетъ чинъ церковный“.

Въ началѣ царствованія Петра, когда юный царь сперва былъ подъ опекою царицы Софьи, потомъ подъ вліяніемъ матери своей, Натальи Кирилловны Нарышкиной, до того ненавидѣвшей иностранцевъ, что она никогда не допускала ихъ къ своей рукѣ, — такое направленіе не шло въ разрѣзъ съ главнымъ теченіемъ времени.

Но Петръ выросъ, созрѣлъ, его характеръ отлился въ оригинальныя формы. Въ немъ не было духа древняго великорусскаго благочестія, онъ не дорожилъ формами этого благочестія, хотя былъ человѣкъ глубоко вѣрующій. Онъ всѣмъ существомъ своимъ былъ практикъ. Учившись на ходу, среди потѣхъ, онъ бросился прежде всего къ тому, въ чемъ видѣлъ пользу. Не вѣроисповѣдныя толки, не блескъ богослуженій церковныхъ, къ чему такъ лежала душа былыхъ московскихъ князей и царей, занимала Петра, а крѣпости, верфи, флоты, пушки, ремесла. Большинство прежнихъ русскихъ людей не рѣшились бы знаться съ еретиками—иностранцами. Петръ же безъ всякаго сомнѣнія пошелъ къ нимъ за внѣшними знаніями.

Суровый дѣлецъ съ какою-то болѣзненной ненавистью къ религіозной исключительности: таковъ былъ Петръ, и такимъ вышелъ онъ отчасти благодаря обстоятельствамъ. Въ началѣ его царствованія произошли страшныя бунты тупыхъ приверженцевъ старины, называвшихъ себя старовѣрами, волненія невѣжественной черни подъ личиною вѣры, во имя будто бы древняго православія, заговоръ на жизнь Петра, возстаніе стрѣльцовъ. И то, что всѣ эти люди прикрывались мнимою религіозностью, выставляли вѣру отцовъ, какъ знамя, за которое они боролись: все это и образовало въ Петрѣ такую вражду ко всему, что имѣло видъ религіозной обособленности и исключительности. Эти же обстоятельства придали реформамъ Петра крутой, насильственный, нѣсколько даже жестокій характеръ.

Но глубокою несправедливостью было бы обвинять Петра въ недостатокѣ любви къ Россіи, въ отсутствіи религіозныхъ чувствъ. Россію онъ любилъ пламенно, и въ отношеніяхъ къ Европѣ видѣлъ лишь орудіе для усиленія Россіи. „Европа, писалъ онъ, нужна намъ только на нѣсколько десятковъ лѣтъ. А послѣ того мы можемъ обернуться къ ней задомъ“.

Служеніе Россіи, ежедневный настойчивый трудъ для нея, представлялись Петру высокою религіозною обязанностью.

„О Петръ вѣдайте, говорилъ онъ предъ Полтавскою битвою, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія во славу и благоденствіи“. „Молись и трудись,—повторялъ онъ часто и прибавлялъ къ этому слова апостола: аще кто не хочетъ дѣлать, ниже да ясть“. Разъ онъ написалъ боярину Стрѣшневу: „Мы по заповѣди Божіей къ праотцу Адаму въ потъ лица своего хлѣбъ ѣдимъ“. Петръ сознавалъ, что самыя упорныя труды могутъ быть неудачны, если не будетъ на нихъ Божія благословенія. На это указываютъ его слова: „Быть трудолюбивымъ и честнымъ — вотъ лучшая политика человѣка, власть имущаго. Приноситъ она однакоже мало пользы, если не сопутствуетъ ей благословеніе Божіе“. Въ великихъ обстоятельствахъ своей жизни Петръ всегда съ особою силою помнилъ о воздѣйствіи Провидѣнія. Такъ, по случаю взятія Азова, Петръ писалъ Шереметеву: „Письмо ваше о пресчастливой побѣдѣ съ превеликою радостью приняли и Господу Богу сердечно благодарили, ибо такыя случаи Ему единому приписывать достоинъ“. При извѣстіи о заключеніи мира со Швеціей царь писалъ: „Николи наша Россія такого полезнаго мира не получала. За еже все—да будетъ Богу, всѣхъ благъ виновнику, выну хвала“. Послѣ неудачи съ турецкой арміей на берегахъ Прута, Петръ писалъ въ Сенатъ: „Такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе допустили.—Но мню, что праведный Богъ можетъ къ лучшему сдѣлать“.

Петръ малывался Богу. По праздникамъ ходилъ въ церковь и по живости своего характера пѣлъ на клиросѣ, читалъ апостоль. Но все же нельзя сказать, чтобы онъ отличался особымъ благочестіемъ. Всѣ проявленія древне-русской набожности, постничество, многочисленные земные поклоны, много свѣчь, зажженныхъ предъ образами, любовь къ звонкимъ колоколамъ: все это ему не нравилось, было не въ его духѣ. Но порою религиозное чувство вспыхивало въ немъ съ силою, исказившею вышняго выраженія. Когда послѣ страшной бури на Вѣломъ морѣ, онъ присталъ къ берегу у Пертоминаскаго монастыря, то, полный благодарности къ Богу за

спасеніе жизни, онъ поставилъ на память объ этомъ крестъ. Одержавъ Полтавскую побѣду, которая прославила Россію громкою славою и дала ей значительное мѣсто среди европейскихъ державъ. Петръ, подъ наплывомъ сильнаго религіознаго чувства, воздвигъ на полѣ битвы собственноручно крестъ съ надписью: „Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709“. Проживая дни лѣченія въ Богеміи, въ Карлсбадѣ, Петръ часто удалялся для уединенной молитвы на гору неподалеку, гдѣ доселѣ деревянный крестъ означаетъ мѣсто царской молитвы.

Однажды государь прибылъ въ Смоленскъ для казни взбунтовавшихся стрѣльцовъ. Когда преступники были уже подведены къ плахѣ, изъ толпы народа къ ногамъ государя бросилась игуменья Смоленскаго монастыря Марѳа съ громкимъ воплемъ о помилованіи. Царь смягчился душою отъ этой неожиданной мольбы, подаль рукою знакъ остановить казнь и отменилъ ее. Ощущая сладость прощенія и желая отблагодарить Марѳу, царь приказалъ, чтобъ она требовала отъ него, чего пожелаетъ, и что онъ все исполнитъ. Марѳа просила воздвигнуть въ ея обители вмѣсто деревянной — каменную церковь, что и было сдѣлано.

Перезѣвая въ Петербургъ, Петръ перевезъ изъ Москвы много святыхъ въ видѣ прославленныхъ чудотворныхъ иконъ. Такъ, перевезъ онъ знаменитую Казанскую икону, свою келейную Нерукотвореннаго Спасителя, находящуюся понынѣ въ „домикѣ Петра Великаго“ на Петербургской сторонѣ, Знаменія Царскосельскую и Всѣхъ Скорбящихъ Радости.

Но, какъ всегда бывасть съ людьми страстнаго характера, несочувствіе Петра къ набожности древнерусскаго характера выразилось въ формахъ черезчуръ рѣзкихъ, иногда непристойныхъ и даже не остроумныхъ.

Такъ, Петръ учредилъ „всешутѣйшій и всеняньѣйшій соборъ“, во главѣ котораго поставилъ бывшего своего учителя, паницу Никиту Зотова, съ титуломъ патріарха Иренбургскаго, Изюскаго и всего Кокуя; членамъ этой шутовской

компаніи были розданы имена екслезіарховъ, діаконовъ, и т. д.; самъ Петръ принялъ на себя должность протодіакона.

Понятно, что такіе поступки сильно возбуждали противъ Петра и его серьезныхъ реформъ ту часть русскаго общества, которая чтитъ старину. И дѣло дошло, наконецъ, до того, что его нѣкоторые считали антихристомъ. Къ чувству оскорбленнаго національнаго достоинства, раздраженнаго и задѣятаго неумѣстными придатками реформъ Петра, присоединилась и великая экономическая тягота, такъ какъ реформы, особенно военная часть, требовали громаднхъ расходовъ. Помимо издержекъ на военное дѣло, дорого стало русскому народу и построение Петербурга, къ которому стогнали плотниковъ, каменщиковъ и разнообразныхъ мастеровъ.

Не въ одной средѣ старой родовитой Москвы. крѣпко привязаннаго къ старинѣ служилаго сословія и являющагося всегда консервативнымъ элементомъ духовенства дѣятельность Петра осуждалась и вызывала тяжелое чувство. Въ скорости, съ какою Петръ преобразовывалъ Россію, было, конечно, нѣчто непосильное народу, который напрягся изъ послѣднихъ силъ.

Насколько правительству приходилось быть изобрѣтательнымъ въ собираніи денежныхъ ресурсовъ съ народа, видно, на примѣръ, изъ указа о гробахъ отъ 15 января 1705 г. ¹⁾: велѣно было отобрать дубовые гробы по указанной цѣнѣ, подъ страхомъ наказанія не приставшимъ; собранные продавать по цѣнѣ вчетверо; если принесутъ покойника въ дубовомъ гробѣ безъ указаннаго ярлыка, допрашивать.

Поборы натурою были постоянно. Монастырскій приказъ, вѣдавшій по смерти патріаха Адріана духовенство и монастыри и ихъ имѣнія, постоянно долженъ былъ доставлять на государственныя надобности крупныя средства. Въ 1705 году послѣдовалъ указъ архіереймъ и настоятелямъ монастырей давать жалованье „противъ прежнихъ дачъ съ убавкою“ и очень значительною, „а въ архіерейскихъ до-

¹⁾ Проф. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время, стр. 301.

махъ всякихъ чиновъ людямъ“... давать половину, а „другую половину собирать въ монастырскій приказъ на дачу жалованья ратнымъ людямъ.

Въ Москву съ монастырей требовали лошадей на смотръ, не годятся ли для военнаго дѣла, требовали каменщиковъ, кирпичниковъ, столяровъ, кузнецовъ и печатниковъ—и денегъ, денегъ, денегъ для корабельной стройки, для верфей, для войны. Въ 1707 году Петръ, нуждаясь въ деньгахъ для войны, далъ приказъ прислать въ Москву изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей серебряную казенную посуду, отправленную серебромъ сбрую и ломаное серебро, кромѣ освященныхъ сосудовъ и церковныхъ вещей.

Что силы населенія были истощены, видно, напримѣръ, изъ того, что сочувствовавшій реформамъ Петра новгородскій митрополитъ Іовъ пишетъ государю челобитную съ просьбой освободить его отъ посылки плотниковъ на Воронежскую верфь, а позже говорить о невозможности выслать денегъ: „У меня денегъ нѣтъ. Да освободить великій Государь насъ отъ такого несноснаго и невозможнаго даянія“.

Вотъ, на почвѣ этого экономическаго изнуренія—и всякое неудовольствіе духовною, такъ сказать, стороною реформы принимало болѣзненное направленіе, выразившееся хоть бы въ признаніи Петра антихристомъ.

Жаловались даже солдаты, жаловались горько. Сохранилось интересное подметное письмо 1716 года.

„Уже-де тому 15 лѣтъ, какъ началась война со Шведомъ. Нигдѣ мы худо не сдѣлали и кровь свою не жалѣючи проливали, а и понинѣ себѣ не видимъ покою, чтобы отдохнуть годъ или другой: женъ и дѣтей не видимъ. Сравняли-де насъ съ посохою, какъ пришелъ изъ кампаніи, изъ лѣсу дрова на себѣ носи, и день. и ночь упокою намъ нѣтъ... Уже чрезъ мѣру лѣто и осень ходимъ по морю, чего не слыхано въ свѣтѣ; а зиму также упокою нѣтъ на корабельной работѣ, а иные на камняхъ зимуютъ, съ голоду и холоду умираютъ. А государство свое все разорить, что уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы“.

Конечно, Петръ сознавалъ это недовольство населенія, которому въ государственныхъ видахъ должно было напрягаться до послѣдней возможности. Онъ глубоко страдалъ, видя непониманіе своихъ стремленій, своей жажды быстро, гигантскимъ шагомъ, двинуть Россію впередъ. И особенно тяжело ему было видѣть несочувствіе себѣ въ лицахъ, стоявшихъ на высотѣ, всѣми видныхъ, задававшихъ общій тонъ. А первымъ изъ такихъ лицъ былъ патріархъ.

Глубокая внутренняя рознь была между Петромъ и послѣднимъ русскимъ патріархомъ Адріаномъ. Петръ не принималъ отъ него того, что принималъ отъ совершенно неизвѣстныхъ ему лицъ. Выше было рассказано, какъ смоленская игуменья Марѳа вымолила у Петра избавленіе отъ казни стрѣльцовъ. Патріархъ Адріанъ въ Москвѣ, помня древнее право святителей московскихъ печаловаться за опальныхъ, пришелъ въ застѣнокъ съ иконою Богоматери на рукахъ и молилъ царя о пощадѣ стрѣльцовъ. Петръ не принялъ его печалованія. „Зачѣмъ ты здѣсь, — закричалъ онъ: — скорѣе уходи и поставь икону на свое мѣсто; знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой домъ и истинное благочестіе обязываетъ меня заботиться о народѣ и карать злодѣянія, ведущія къ общей гибели“.

Сперва Адріанъ рѣзко осуждалъ иноземные обычаи, вводимые царемъ, но скоро долженъ былъ замолчать. Последнее время онъ жилъ безвыѣздно, ни во что не вмѣшиваясь, подъ Москвой, въ своемъ любимомъ Церервинскомъ монастырѣ.

Народъ былъ этимъ недоволенъ и говорилъ... „Какой онъ патріархъ? Живетъ изъ куска, бережетъ мантии да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ“.

Въ этомъ безучастіи патріарха, Петру видѣлось пассивное сопротивленіе своимъ реформамъ. Онъ казался Петру какъ бы сосредоточіемъ недовольства всей страны. Пусть онъ сейчасъ молчалъ. Онъ или его преемникъ могъ заговорить, а Петръ зналъ, что, въ случаѣ рѣзкаго осужденія патріархомъ реформъ, выйдетъ еще болѣе хлопотъ и не торазумній.

чѣмъ съ Никономъ. Когда Адрианъ въ 1700 году умеръ, Петръ, не увѣренный въ томъ, что найдетъ среди высшаго духовенства лицъ, безусловно сочувствующихъ его преобразованіямъ, рѣшилъ повременить выборомъ новаго патріарха. Начавшаяся Шведская война дала ему поводъ продлить переходное положеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что ему не достаетъ душевнаго спокойствія, необходимаго при выборѣ столь значительнаго лица, какъ патріархъ. Это было первымъ шагомъ къ отмѣнѣ патріаршества.

Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, а патріаршій домъ, дома архіерейскіе и монастырскія дѣла вѣдно было вѣдать боярину Мусину-Пушкину: „сидѣть на патріаршемъ дворѣ въ палатахъ и писать монастырскимъ приказомъ“.

Вѣдомству этого учрежденнаго, или, вѣрнѣе, возобновленнаго, 24 января 1701 года, приказа подлежало управленіе патріаршними, архіерейскими, монастырскими и церковными вотчинами; устройство и содержаніе тѣхъ церковныхъ учреждений, отъ которыхъ были отобраны въ собственность государства эти вотчины; установленіе штатовъ, назначеніе настоятелей, строительная часть, посредничество между церковью и государствомъ. Учрежденіемъ этого приказа сдѣланы были первый шагъ по переводу церковныхъ вотчинъ въ безусловное вѣдѣніе государства. Тотчасъ по учрежденіи приказа начали составлять переписи всего церковнаго имущества. По архіерейскимъ домамъ и монастырямъ разосланы были стольники, стряпчіе, дворяне и приказные.

Отмѣна патріаршества сильно не понравилась многимъ приверженцамъ старины, которые боялись, что эта отмѣна поведетъ за собою потерю церковью своей самостоятельности. Намѣстникъ патріаршаго престола былъ ограниченъ собраніемъ очередныхъ епископовъ, вызывавшихся попеременно изъ епархій въ Москву. Совѣщанія между мѣстоблюстителемъ и этими епископами представлялись на утвержденіе Петра. Участіе въ духовномъ управленіи свѣтской власти стало сразу весьма значительнымъ. Совершенно устраненный монастыр-

скимъ приказомъ отъ множества упомянутыхъ выше весьма важныхъ дѣлъ, состоявшихъ раньше въ вѣдѣніи патріарха. митрополитъ Стефанъ и въ чисто духовныхъ дѣлахъ не имѣлъ почти никакой власти. Множество назначеній на мѣста духовнаго управленія шли помимо Стефана, по представленію Меншикова, Мусина-Пушкина и другихъ лицъ. Исключительно Мусинъ-Пушкинъ распоряжался патріаршею типографіей, сочиненіями, переводами, изданіемъ книгъ, даже исправленіемъ Библіи, хотя это исправленіе и было поручено надзору Стефана.

Вообще, ревностный къ православію, правдолюбивый Стефанъ много пострадалъ въ жизни, являясь одною изъ жертвъ той переходной эпохи.

Происходя изъ дворянской Волинской семьи, Стефанъ, въ жаждѣ образованія, долженъ былъ поступить въ славившія тогда галицкія и польскія училища, и для того, вѣроятно, на время отступить отъ православія. Присланный благодѣтелемъ своимъ, митрополитомъ кievскимъ Варлаамомъ Ясинскимъ, въ Москву, — онъ былъ замѣченъ Петромъ, который услышалъ слово, произнесенное имъ надъ гробомъ боярина Шеина, и который искалъ ученыхъ и способныхъ монаховъ, особенно не враждебныхъ европейскому духу, чтобы такими монахами замѣщать епископскія кафедръ. Петръ призвалъ Стефана на Казанскую кафедру, отъ которой онъ долго отказывался, такъ какъ въ Москвѣ его осыпали бранью и клеветами за его пребываніе у іезуитовъ. Въ Великороссію онъ внесъ съ собою ту любовь къ просвѣщенію, которая составляла отличительную черту малорусскаго монашества. принесъ и свое захватывающее, краснорѣчивое слово. Даже враги его говорили, что, уча въ церкви, онъ могъ по произволу заставить слушателей плакать или смѣяться.

Свой даръ слова онъ посвятилъ борьбѣ съ двумя современными ему язвами: расколомъ и протестантскими вѣяніями.

Онъ засталъ въ Москвѣ мнѣніе, что близко пришествіе антихриста, что Москва — Вавилонъ, а жители ея вавилоняне, слуги антихристовы и сыны погибели. Нѣкоторые брались

за вычисленія, назначали день и часъ, когда Христосъ придетъ на судъ, и предъ назначеннымъ ими временемъ дѣлали себѣ гробы, рыли могилы, закутывались въ саваны и ложились ожидать Христа.

Для вразумленія такихъ людей Яворскій написалъ сочиненіе съ обличеніемъ этихъ мнѣній, показывая, на основаніи св. Писанія, каковы будутъ истинные признаки пришествія антихриста.

Совершенно невозможную, дикую форму приняло въ Москвѣ распространеніе кальвинистскаго ученія. Полковой фельдшеръ Тверитиновъ, набравшись неправославныхъ мыслей у врача-иноземца, сталъ распространять хулы на многія изъ завѣтнѣйшихъ преданій церковныхъ: говорилъ противъ св. иконъ, креста, мощей, причастія, святыхъ, литургіи, противъ поминовенія усопшихъ, постовъ, значенія добрыхъ дѣлъ.

Онъ нашелъ себѣ послѣдователей между невѣжественными стрѣльцами и мастерами. Бродобрѣй Ѳома Ивановъ дошелъ до такого изступленія, что въ Чудовѣ монастырѣ при народѣ кричалъ хульные слова на великаго святителя московскаго Алексія митрополита и разрубилъ ножомъ его икону. Стефанъ Яворскій послѣ этого ужаснаго событія тотчасъ нарядилъ тайное разслѣдованіе объ этомъ обществѣ и, найдя главныхъ виновниковъ, предалъ ихъ церковной анаемѣ; Ѳома былъ казненъ по гражданскому суду.

Чтобы оградить православныхъ отъ протестантской пропаганды, онъ написалъ знаменитый „Камень вѣры“, изданный уже по его кончинѣ.

Чѣмъ же кончилось это Тверитиновское дѣло для ревностнаго Стефана? Въ этомъ странномъ вѣкѣ самыя прямая, ясная дѣла принимали часто невѣроятный оборотъ. Государь остался недовольнымъ поспѣшностью въ рѣшеніи суда и строгостью приговора. Въ этомъ взглядѣ государя на дѣло нельзя не видѣть внимательства сильныхъ при Дворѣ иностранцевъ, которые были очень недовольны дѣйствіями Стефана. Стефанъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ по этому дѣлу ему пришлось вынести много неприятностей.